

И. М. Оранский

INDO-IRANICA. 1—4

Наряду с известным фактом генетической общности индоарийских и иранских языков, в обширной зоне, лежащей на стыке этих языковых групп, можно наблюдать ряд ареальных схождения, не вытекающих непосредственно из их генетического родства. Такие явления могут быть отмечены в области фонетики, грамматического строя, лексики и словообразования индоарийских языков центральной и северо-западной части Индийского субконтинента, с одной стороны, и ряда «пограничных» иранских языков (пашто, ормури, парачи, памирские, белуджский, таджикско-персидские диалекты Афганистана и Южного Таджикистана)¹, с другой. Некоторые типологически однородные явления могут, вероятно, объясняться независимым параллельным развитием исходного материала и указывать на общность тенденций историко-типологического развития родственных языков (одним из примеров такого параллельного развития могут служить типологически и семантически единые модели глагольного словообразования в ряде индоарийских и иранских языков — так называемые сложноподлежащие глаголы типа хинд. *leke jānā*, тадж. *girifta raftan* 'унести'). Другие факты ареальных схождения могут объясняться только длительными контактами «пограничных» индоарийских и иранских языков или же явлениями субстрата. При этом иранские и индоарийские языки могли подвергаться воздействию местного протоарийского субстрата как независимо друг от друга, так и опосредованно. Имеются, например, основания, полагающие, что в ряде случаев иранские языки «пограничной» зоны, вытеснившие в некоторых регионах индоарийскую речь, подвергались воздействию этого протоарийского субстрата через

¹ Г. Моргенштерне был, кажется, первым, кто применил по отношению к ряду иранских и индоарийских языков Гиндукуша и Памира (парачи, ормури, памирские, мунджанский-йидга, пашан) термин «Indo-Iranian Frontier Languages». Именно под этим названием им издана известная серия трудов, посвященная изучению названных языков (IIFL, vol. I—III. Oslo, 1929—1967). В указанных трудах, как и в работе о лингвистической экспедиции в Афганистан (Morgenstierne, Report I), нашла наиболее полное свое выражение мысль о многотысячелетних интенсивных взаимодействиях между «пограничными» индоарийскими и иранскими языками. Из новейших работ см. также: Д. И. Э д е л ь м а н. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.

посредство языков индоарийских (к этому кругу проблем относятся, по-видимому, вопросы об индоарийских и восточноиранских церебральных, о некоторых фонетических инновациях в «пограничных» иранских диалектах², об общей для ряда «пограничных» языков лексике невыясненного происхождения).

Тесная генетическая общность между индоарийскими и иранскими языками и наличие длительных и устойчивых контактов между индо- и ираноязычными народами по обе стороны лингвистической границы позволяли им, по-видимому, сохранять известный уровень языкового взаимопонимания на протяжении очень длительного времени, может быть, вплоть до ахеменидского периода³. В этих условиях, наряду с процессами языковой дифференциации, в области стыка индоарийских и иранских языков развивались и явления ареальной конвергенции, которые, наслаиваясь на исконную генетическую общность, образовали как бы второй этаж этой общности.

Лексическое взаимодействие между иранскими и индоарийскими языками прослеживается на всем протяжении их истории и доподлинно фиксируется иранскими заимствованиями в древнеиндийской, во всяком случае, начиная с периода, когда экспансия Ахеменидской державы достигла бассейна Инда, ср., например, др.-инд. *kṣatrapa-* 'сатрап, наместник', *kūrpaśa-* 'кольчуга, латы', *dīpi-* (в надписях Ашоки) / *lipi-* 'письмо, указ, постановление', *gañja-* 'сокровищница', *gañjavara-* 'казначей', *yavana-* 'грек, чужеземец' и др. из др.-перс. *xšaθ'arāvan-*, **kṛp-pāθ'a-* ('защита тела'), *dipi*, **ganza-*, **ganzabara-*, *yauna*⁴. Отмечена иранская

² См., например, И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 242, 307, прим. 32; Д. И. Эдельман. Проблема церебральных в восточноиранских языках. — ВЯ, 1963, № 5, стр. 74; Опаже. Основные вопросы. . ., стр. 5 и др.

³ Насколько можно судить по краткой информации М. А. Дандамаева (ВДИ, 1973, № 1, стр. 229—230), на этом вопросе останавливался в своем докладе на Международном конгрессе иранистов в Ширазе (октябрь 1971 г.) Г. Моргенштерне.

⁴ Исследования и публикации последнего времени вскрывают историкокультурную обстановку, на фоне которой могли происходить эти заимствования. К давно уже известным фактам доставки материалов из Индии для строительства царских дворцов (см. надпись Дария I о строительстве дворца в Сузах — DSf) и участия индийских военных отрядов в походах Ксеркса (Her. VII, 65, 86; VIII, 113; IX, 31) прибавились, например, сведения об индийских военных поселенцах в Ниппуре и его окрестностях, содержащиеся в вавилонских документах V в. до н. э. из архива торгового дома Мурашу (этой справкой я обязан любезности М. А. Дандамаева. См. теперь также: Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, стр. 46—47); в опубликованных недавно эламских табличках из Персеполя, относящихся к 509—494 г. до н. э., нередко упоминаются индийцы (*induš*), ездившие с разными поручениями из Индии в Сузы и обратно. Упоминаются в этих табличках и соседние с Индией сатрапии (Гандхара, Арахозия), с которыми также поддерживались оживленные сношения (см. R. T. Hallock. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, N 1318, 1556, 1558, 1397, 1437, 1511, 2057 и т. д.).

лексика и в пракритских, греческих и арамейских версиях надписей Ашоки (III в. до н. э.)⁵. К древнеиранскому восходит, возможно, как это предположил недавно Х. Бэйли⁶, и само название древнеиндийского письма кхароштли (*kharoṣṭhī* < др.-ир. *xšaθra-piṣtra-* 'имперское письмо'), представленного на северо-западе (Мансехра, Шахбазгарх) наскальными эдиктами Ашоки на северо-западном (гандхарском) пракрите⁷. Пятью веками позже мы встречаем этот же северо-западный пракрит в оболочке того же письма кхароштли далеко на Востоке — в документах из Крорайны (Вост. Туркестан). Занесенный из Гандхары (район современного Пешавера), этот пракрит подвергся здесь заметному влиянию иранской речи, что и нашло свое отражение в его лексике. С другой стороны, индийская лексика, многочисленные заимствования из санскрита и пракритов (в т. ч. и из упомянутого пракрита документов из Крорайны) вливались в иранские языки Восточного Туркестана — хотаносакский и тумшуксосакский. Имеются индийские заимствования и в парфянском (зафиксированы начиная с III в. н. э.), и в согдийском, особенно многочисленные, разумеется, в языке согдийско-буддийских текстов.

В последующие эпохи персидские (в т. ч. арабо-персидские) лексические (и словообразовательные) элементы широким потоком хлынули через новоперсидский литературный язык в новые индоарийские языки. Обратный процесс — проникновение индоарийских элементов в новоиранские языки — происходил, вероятно, напротив, преимущественно на путях живого языкового общения. Этот процесс лишь в очень незначительной степени отразился в лексике современного литературного персидского языка⁸, но заметно повлиял на лексику тех иранских языков и диалектов, развитие которых протекало на территориях, непосредственно примыкающих к индоарийскому языковому ареалу или на территориях, где индоарийские языки были распространены в прошлом. Наиболее ощутимо присутствие индоарийского элемента,

---

⁵ Из последних работ см. D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, É. Benveniste. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka. — JA, t. CCXLVI, fasc. 1, 1958, стр. 36 ff.; É. Benveniste. Édits d'Asoka en traduction grecque. — JA, t. CCLII, fasc. 2, 1964, стр. 140 ff.; М. Н. Боголюбов. К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки. — ИАН СССР, СЛЯ, т. XXVI, вып. 3, 1967, стр. 264—268.

⁶ H. W. Bailey. A Half-Century of Irano-Indian Studies. — JRAS, 1972, N 2, стр. 103.

⁷ С точки зрения культурно-исторической, такое предположение подкрепляется тем фактом, что в северо-западных областях империи Ашоки сохранялись традиции иранской государственной канцелярии эпохи Ахеменидов, в частности, употребление арамейского языка и письма. Именно к последнему и восходит индийское письмо кхароштли.

⁸ Хотя, разумеется, в персоязычной (особенно прозаической) литературе, создававшейся в позднее средневековье на территории Индии, количество заимствований из хиндустаны довольно значительно.

естественно, в лексике пашто⁹, ормури и парачи¹⁰, в мунджанском-йидга¹¹, отчасти также в лексике памирских языков¹². Однако этот элемент может быть выявлен и в персидско-таджикских говорах Афганистана, и — далее к северу — в таджикских говорах Горного Таджикистана. Некоторые такие слова вошли в употребляемую в Афганистане письменную разновидность персидского языка — афгано-(кабульско-)персидский (современное конституционное название «дари»), и в таджикский литературный язык, образуя ряд лексических дифференций между литературным таджикским и «дари», с одной стороны, и современным литературным персидским, с другой.

Иранская по происхождению лексика составляет весьма значительную часть словаря новых индоарийских языков и давно уже является предметом исследования индологов. Вклад индоарийской лексики в новоиранские языки значительно скромнее и проявляется нередко лишь в лексике диалектной. Однако и этот вклад не следует игнорировать, ибо исследование его способствует уяснению путей формирования иранских языков и диалектов на территории Афганистана, Южного Таджикистана и сопредельных районов.

Открываемая этими предварительными замечаниями серия этимологических заметок под общим названием «Indo-Iranica» не ставит, разумеется, своей целью анализ всего обширного комплекса вопросов, связанных с лексическим взаимодействием иранских и индоарийских языков. Задача ее много скромнее. Эти заметки сосредоточиваются вокруг того общего лексического фонда, который складывался постепенно в зоне стыка «пограничных» языков, и задача их ограничена попыткой рассмотреть происхождение и ареал распространения некоторых элементов этого общего фонда.

И. И. Зарубин, констатируя в работе 1927 г., что «в клубке языков, окружающих восточный Гиндукуш, имеется много словарных элементов, общих двум или несколькими языкам», считал в то время преждевременным «говорить о заимствовании одним языком из другого; осторожнее, — писал он, — пока ограничиться лишь установлением факта большей или меньшей лексической общности рассматриваемых языков. . .»¹³ Накопление за последние десятилетия новых обширных материалов особенно по бесписьменным языкам и диалектам этого региона позволяет сегодня

⁹ См. Morgenstierne, Report I, стр. 12 и др.; ID., An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. См. также: Н. А. Д в о р я н к о в. О взаимоотношении пашто с индийскими языками. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». М., 1968, стр. 409 сл.

¹⁰ См. IIFL I. Oslo, 1929.

¹¹ Ibid., vol. II. Oslo, 1938.

¹² Там же.

¹³ И. И. З а р у б и н. Вершикское наречье канджутского языка. Очерк по диалектографии Гиндукуша. — ЗКВ II, 2, 1927, стр. 314. Ср. также IIFL II, стр. XIV.

с большей уверенностью говорить о направлении лексических заимствований.

В двух нижеследующих заметках сделана попытка проследить историю и ареал распространения в иранских языках и диалектах двух слов индоарийского происхождения, обозначающих предметы материальной культуры.

1. Тадж. *kat*¹⁴

Во многих районах Таджикистана и Узбекистана (возможно, также в других районах Средней Азии и сопредельных стран) под этим словом понимается широкий деревянный помост на четырех ножках, обнесенный с трех сторон деревянными же перильцами (нередко резными). Стоит он обычно в саду, во дворе или на улице перед домом, покрывается паласом или ковром; на таком помосте отдыхают, едят, пьют чай, беседуют, в теплое время года — также спят. Помещается на нем — в зависимости от величины — 5—10 человек. Средневековые персидские фарханги и вслед за ними известный словарь Вуллера (I. A. Vullers) приводят под вокабулой *kat* (کت) обычно три значения: 1) 'трон'; 2) 'бревно, палка, доска'; 3) 'ров, яма, канава'. Засвидетельствовано это слово и в тюркских языках Средней Азии: чаг. کت ۱) 'трон, сидалище, скамья вообще'; 2) 'носилки для мертвеца' (во 2-м значении у Бабура) (В. В. Радлов, Л. З. Будагов), узб. обл. *kat* 'широкая деревянная кровать'. В современном персидском это слово неупотребительно или малоупотребительно¹⁵, и некоторые авторы с полным основанием рассматривают, например, наличие слова *kat* 'кровать' в иудейско-персидских текстах из Бухары как черту специфически таджикскую¹⁶. Впрочем, некоторые современные персидские словари регистрируют слово *kat* (کت)¹⁷, приводя его обычно в двух значениях: 1) '(подземный) канал, кариз'; 2) 'трон' (во втором значении засвидетельствовано уже у автора X в. Абушукура Балхи)¹⁸.

¹⁴ Доклад, читанный на научной сессии Ленинградского отделения И-та востоковедения АН СССР (апрель 1970 г.). См. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткие сообщения и автоаннотации. VI Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. . .». М., 1970, стр. 160. Печатается с дополнениями.

¹⁵ Ср., впрочем, совр. перс. *nimkät* (*nim-kät*) 'скамья'; ср. также *kätexab-e väršôq* 'кровать с мельхиоровыми ножками' в записях ширазских свадебных песен (см. А. М. Шойто в. Ширазские свадебные песни. — НАА, 1968, № 6, стр. 134, стих 11).

¹⁶ См. G. L a z a r d. La Dialectologie du Judéo-Persan, «Studies in Bibliographie and Booklore», vol. VIII, N 2—4. 1968 (Cincinnati, Ohio), стр. 85.

¹⁷ См., напр., S. H a i m. New Persian-English Dictionary. Tehran, 1936, s. v. (с пометой «Rare» — 'редко'); H. F. J. J u n k e r und B o z o r g A l a v i. Persisch-Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1965, s. v.

¹⁸ См. «Фарханги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)»... Дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Маъсумӣ, т. I. М., 1969, s. v. *kat*.

Как представляется, с точки зрения историко-этимологической здесь перед нами два различных по происхождению слова: первое из них ('канал') продолжает (с сохранением *-t-*) др.-перс. *ka(n)ta-* 'выемка', 'котлован', 'ров' (?), засвидетельствованное надписью Дария I о строительстве дворца в Сузах (DSf, 25) и восходящее к др.-ир. *kan-* 'копать'; второе ('трон') вместе с тадж. *kat* 'помост', 'кровать' казалось бы на первый взгляд возможным связать с др.-ир. (ав.) *kata-* 'камера', 'кладовая', 'погреб'¹⁹, откуда могли развиться значения 'помещение' → 'место для жилья' → 'место для сна, отдыха' и т. п. Однако, если др.-ир. *kata-* действительно восходит к др.-ир. *kan-* 'копать' (В. И. Абаев)²⁰ и обозначало первоначально нечто окопанное, огороженное, обнесённое рвом, валом или стеной (откуда развились впоследствии значения 'дом', 'жилище', 'квартал', 'деревня', 'укрепленное поселение', 'город' и т. п.), то сближение тадж. *kat* в интересующем нас значении с этой основой представляется с семантической точки зрения не вполне удовлетворительным.

С другой стороны, от тадж. *kat* неотделимы, по-видимому, каб. *čaparkat* 'койка', *nimkat* 'откидное кресло'²¹, пар. *kaṭ* 'кровать'²², афг. (пашто) *kaṭ* 'койка, кровать' с производными *kaṭkāj*, *kaṭgāj* 'табуретка', 'небольшая кровать', *čaparkaṭ* 'кровать, койка', *kaṭōikāj* 'колыбель, люлька', *kaṭōla* 'паланкин невесты', *kaṭp̄raj* 'веревка, которой скрепляют койку', *kaṭbun* 'растительное волокно, идущее на плетение коек', *kaṭbān* 'мастер, плетущий веревочные сетки для кроватей'²³; ср. еще *takya kaṭkāj* 'кресло из резного дерева с плетеным сиденьем' (в Свате)²⁴, ишк. *kaṭ* 'люлька, привязанная между двумя деревьями' (с производным глаголом *kaṭ-*: *kaṭb̄d-* 'качать, укачивать ребенка в колыбели')²⁵, сар. *kat* [в со-

¹⁹ AiWb., 432. К сохранению поствокального *t* ср., например, тадж. *katak* 'конура, будка, курятник' наряду с *-kada* 'дом' (в *otaš-kada* 'храм огня', *but-kada* 'храм, капище идолопоклонников', *maṭ-kada* 'питьевой дом' и т. п.); ср. также тадж. *katbonu* / *kadbonu* 'хозяйка дома' и т. п. Формы с поствокальным *t* указывают на заимствование из таких восточноиранских языков, которые сохраняли др.-ир. *-t* (ср., напр., согд. *w't*, ягн. *wot* 'ветер' < др.-ир. *vāta-*, ягн. *kat* 'дом' и т. д. В персидском и таджикском др.-ир. *-t* > *-d*).

²⁰ См. ТИЯЗ VI, 1956, стр. 442 сл. В ностратических построениях В. М. Иллич-Свитыча др.-ир. *kata-* 'камера, кладовая' связывается со слав. *koṭь, *koṭьсь 'плетеное сооружение' и возводится к и.-е. **ket-* 'плетеное сооружение', которое в свою очередь сближается с дравид. основами со значением 'связывать, строить' (тамил. *kaṭṭu* и т. д.). Согласно Иллич-Свитычу, все эти группы слов восходят к ностр. *kaṭa* 'сплестать (из прутьев)'. См. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков... М., 1971, стр. 316—317.

²¹ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950, s. v.

²² IIFL I. Oslo, 1929, стр. 268.

²³ М. Г. Аслаинов. Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966, s. v.

²⁴ Великолепные фотовоспроизведения таких кресел из музея в Свате см. в кн.: «Folk Tales of Swāt». Collected and Translated by Inayat-ur-Rahman. Part I. Rome, 1968 (Istituto Italiano per il Medio e Estremo Oriente. Centro Studi e Scavi Archeologici in Asia... vol. XIII, 1), Fig. 88—94.

²⁵ Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М., 1959, стр. 209.

четании *kat dod (aw)* 'укладывать спать'²⁶, бад. *katak / katək* 'верочная люлька'²⁷, вах. *kaṭh, klat* 'кровать'²⁸. Всю эту группу слов следует, по-видимому, связывать с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *khāṭi* 'кровать', гудж., мар., неп., кум., бенг. *khāṭ*, пандж., ла. *khatt*, паш. *kaṭ, kāṭ, xōṭ* и т. д.²⁹ (к др.-инд. *khātvā-* 'кровать')³⁰. Этимологические связи др.-инд. *khātvā-* остаются недостаточно ясными. Как справедливо отмечает М. Майрхофер, сопоставление с дравид. *kaṭṭil* 'кровать' ненадежно³¹. Отвергается Майрхофером также сопоставление с др.-инд. *kaṭa-* 'похоронные носилки'³². Между тем, представляется весьма соблазнительным связать оба эти слова с др.-инд. *kāṭa-* 'плетенка, циновка, мат'³³, тем более, что основную часть обоих предметов материальной культуры, обозначаемых этими словами, первоначально составляла, по-видимому, плетеная сетка. Плетенка же составляла основную часть трона (кресла) *kat*. Небезынтересно привести в этой связи толкование, содержащееся в известном толковом словаре *Burhān-i Qāṭi'* (XVII в.): *kat — ba fath-i avval va sukūn-i sānī taxt-i pādśāhān-rā gōyand 'umūman va taxt-i pādśāhān-i hīndūstān-rā xuṣūṣan ki miyān-i ān-rā bāfta bāšand... «kat — с огласовкой первого знака фатха [= a] и второго — сукун [= ноль звука] — [так] называют трон падишахов вообще и трон падишахов Индии в особенности, середину которого плетут»*³⁴.

Г. Моргенштерне связал пар. *kaṭ* 'кровать' с соответствующим словом в пашай и лахид³⁵. В настоящей заметке сделана попытка дать этимологию и проследить распространение индоарийского по происхождению слова *kaṭ / kat* (с производными) в иранских языках среднеазиатско-афганского ареала, откуда оно могло распространиться и далее на запад (см. сноску 15).

²⁶ Т. Н. Пахалина. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, с. v.

²⁷ А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., 1971, стр. 106.

²⁸ D. L. R. Lorigmer. The Wakhi Language, II. London, 1958, стр. 110. К соотношению *t — t* ср. афг. *kaṭā*, хаз. *kaṭa* 'большой, огромный, важный, старший' — шугн.-барт.-руш. *katanāk*, тадж. обл. (дарв.) *katānā*, ишк. *katā* с тем же значением.

²⁹ О формах этого слова по различным говорам пашай см. IFL III, 3, с. v. (согласно Моргенштерне, некоторые из этих форм могли проникнуть в пашай через афганский); сводку различных форм этого слова в дардских и кафирских языках см. G. Fussman. Atlas Linguistique des Parlers Dardes et Kafirs, II. 1972, стр. 211—212 (там же о возможных путях заимствования этого слова в пашай).

³⁰ См. Turner, N 3781.

³¹ Maughofer, Lief. 5, 1955, стр. 298 (s.v. *khātvā*). Ср. прим. 20.

³² Ibid., Lief. 3, 1954, стр. 142 (s.v. *kaṭaḥ*²); Lief. 5, 1955, стр. 298 (s.v. *khātvā*).

³³ К соотношению *kh — k* ср. др.-инд. *khāṭa-* и *kaṭa-* 'трава', *khaṇḍanam* и *kaṇḍanam* 'дробление, размалывание', *khūrdate* и *kurdati* 'прыгает, скачет', *kharpara-* и *karpara-* 'сосуд, горшок, корзина' и т. д.

³⁴ Аналогичные толкования встречаются и в более ранних словарях (XIV в.).

³⁵ См. IFL I, 1929, стр. 268.

2. Тадж. обл. *танжа*

В таджикских и таджикско-персидских говорах Южного Таджикистана и Афганистана, в афганском, мунджанском и памирских языках широко распространено — с незначительными фонетическими вариациями — слово *танжа*, соответствующее по значению тадж. *kat* (см. выше): вандж. *танжа*³⁶, бад., мад. *танжа*³⁷, ишк. *танжа*³⁸, язг. *танжа*³⁹, сангл. *танже*⁴⁰, вах. *танжа*⁴¹, мундж. *танжо*⁴², афг. *танж*⁴³. В персидском это слово, как кажется, не засвидетельствовано⁴⁴, что наводит на мысль о возможных его ареальных связях с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *та̄с̄а*, *та̄ја*, пандж., ла. *та̄й̄я*, синд. *та̄й̄о*, паш. *тан̄й̄ю*, парья (Гиссар) *тан̄ји*⁴⁵ и т. д. (к др.-инд. *та̄йса-* 'платформа')⁴⁶. Ср. еще *тан* (из **танс̄* или **танс̄*) 'земляная платформа' в бурушаски⁴⁷. На раннем этапе истории индоарийских языков эта же основа (санскр. *та̄йсака-* 1. 'ложе, сиденье, место'; 2. 'место, подставка для огня', пали *та̄йса-*, *та̄йсака-* 'кровать') была заимствована в один из древнеиранских языков — именно в хотаносакский, где она засвидетельствована в специализированном значении 'сооружение, подставка для огня' (*тан̄куо*, *тан̄со*)⁴⁸. Тэрнер возводит (под вопросом) др.-инд. *та̄йса-* к $\sqrt{\text{тас}}$ 'месить, замешивать' ('*knead*'), 'возрастать, увеличиваться' ('*increase*'), 'поднимать, воздвигать' ('*raise*')⁴⁹. На индийское происхождение этого слова в мунджанском, сангличском и ваханском указал в свое время Г. Моргенштерне⁵⁰; вандж. *танжа* сопоставлялось также с соответствующим словом в пашто и в хинди⁵¹. Расширение материала позволяет

³⁶ А. З. Розенфельд. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964, стр. 101.

³⁷ D. L. R. Logimer. Phonology of Bakhtiari, Badakhshani and Madaglasht Dialects of Modern Persian. London, 1922, стр. 188, 203; А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка, стр. 112.

³⁸ Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык, стр. 215.

³⁹ Д. И. Эдельман. Язгулямско-русский словарь. М., 1971, s. v.

⁴⁰ IFL II, 1938, стр. 402.

⁴¹ Ibid., стр. 529.

⁴² Ibid., стр. 228.

⁴³ М. Г. Асланов. Афганско-русский словарь (пушту), стр. 854.

⁴⁴ Приведенное в словаре Джонсона (F. Johnson. A Dictionary, Persian, Arabic and English. London, 1852) *тан̄я* 'любое возвышенное место, где можно спастись от наводнения' восходит к араб. *н̄й* и вряд ли имеет отношение к рассматриваемому слову.

⁴⁵ Из записей автора.

⁴⁶ См. Turner, N 9715.

⁴⁷ Mauryhofer, Lief. 15, 1961, s. v. *та̄йсаб*.

⁴⁸ H. W. Bailey. Indo-Scythian Studies. Being Khotanese Texts, vol. VI. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967, стр. 273.

⁴⁹ Turner, N 9715.

⁵⁰ IFL II, стр. 228, 402, 529.

⁵¹ А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка. — ТИЯЗ VI, 1956, стр. 222; В. С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1956, стр. 151 (в последней работе вандж. *танжа* рассматривается как заимствование из афганского).

теперь раздвинуть рамки этих сопоставлений в пространстве и во времени.

Таким образом, можно считать, что оба рассмотренные здесь слова, обозначающие в таджикском, афганском, мунджанском и памирских языках, отчасти также в тюркских языках Средней Азии, предметы материальной культуры, предназначенные для сидения или лежания, ведут свое происхождение от языков индоарийских. Широкое распространение этих слов в языках среднеазиатского-афганского ареала, с одной стороны, и то обстоятельство, что на территории Ирана эти слова неупотребительны, с другой, может служить еще одним примером ареальных культурных и языковых связей между Индией, Афганистаном и Средней Азией.

3. Тадж. диал. *turūndan* / *turundan* 'погнать', 'спугнуть', 'шугнуть (о животных)'⁵²

В материалах по каратегинским говорам таджикского языка засвидетельствован глагол *turūndan* / *turundan* 'погнать', 'спугнуть', 'шугнуть (о животных)', не зарегистрированный известными мне словарями таджикского и современного персидского языков. Контексты таковы: *mān va dustóm qati turundamāš* 'Я его (быка) руками погнал (шугнул)'; *gōva beturun* 'погони (шугни) быка'; *hamū raftāku turūndāš* 'тот пошел и погнал его (быка)'⁵³. Морфологическая структура этого глагола прозрачна: *tur-ūn-dan* (*tur-un-dan*), где *-ūn-* (*-un-*) — каузативный суффикс с обычным для каратегинских говоров отражением тадж. лит. *o* (н.-перс. *ā*) перед носовым (ср. кар. *dandūn* 'зуб', *borūn* 'дождь' и т. д.). Таким образом, рассматриваемый глагол предполагает основу *tur-* с семантикой, которая позволила бы образовать каузативный глагол с указанным значением. В словарях таджикского и современного персидского языков эта основа не засвидетельствована, но она может быть отмечена в говорах Южного Таджикистана и Афганистана. Ср. шаарт. *tūridan* 1) 'бояться, сомневаться' (= тадж. лит. *tarsidan*, *šubha kardan*); 2) (о скотине) 'пугаться, шарахаться в сторону' (= тадж. лит. *ramidan*): *bačoo tūrida naxurd* (= тадж. лит. *bačaho tarsida naxūrdand*) 'Дети, испугавшись, не стали есть'; *a-mun koḡaz tūridaḡi xaraš* 'Его ишак испугался (шарахнулся от) той (?) бумаги'⁵⁴; в таджикской речи гиссарских парья *turidan*: *xar turid*, *az bolo-š bor ḡaltid* 'Ишак шарахнулся (в сторону от машины), поклажа с него упала'; *gusfando ham az*

⁵² Читано в Семинаре ленинградских иранистов (июнь 1970 г.). Печатается с дополнениями.

⁵³ А. З. Р о з е н ф е л ь д. Говоры Каратегина. Душанбе, 1960, стр. 39—40, там же в словаре (стр. 84) *turūndan* (*турӯндан*) 'прогнать'. Русскую транскрипцию оригинала здесь и далее передаю латиницей.

⁵⁴ См. Қ. С а и д о в а. Намуваи луғати шеваи тоҷикони Шаҳрғуз. — МШТ I, стр. 220.

mošin turidānd va har sun gurextānd 'Бараны тоже шарахнулись от машины, разбежались в разные стороны'⁵⁵; ср. также кул. *turidan* (долина Ях-су), *tur kardan* (Ховалинг): *odam aī čəšməš metura* 'Человек пугается (шарахается, убегает от) его взгляда'⁵⁶; *dinagina worī musəfədo araq-a binan tur tekənan* '(Если) старики, как вчера, водку увидят, выгонят'⁵⁷; матч. *tūridan: dilam tūrid* 'Я испугался'⁵⁸, каб. *tur xurdan: ami asp tur mexura* 'Эта лошадь пугливая' (букв.: «пугается, шарахается») (сообщено А. Л. Грюнбергом).

В значении 'пугаться, шарахаться (о скотине)' (*ramīdan*) за-свидетельствован глагол *turidan* и средневековым персидским словарем (фархангом) *Borhān-e Qāte'*, составленном в XVII в. в Индии.⁵⁹ Неотделимы, по-видимому, от этой основы также шугн. *tūr čīdōw* 'шарахнуться (пугаться), отпрянуть (о животных)'⁶⁰, вах. *tyr woc-* 'отпрянуть', 'шарахнуться в сторону' (о животном), *tyr cār-* 'пугнуть', 'шугнуть' (о животном)⁶¹, ягн. *tūrna* 'пугливый' (о животных)⁶² и афг. *tor* 1) 'боязнь, испуг'; 2) 'упрямство'; *tor xwarəl* а) 'бояться, пугаться'; б) 'упрямиться, артачиться'; *toredəl* 1) 'пугаться'; 2) 'убегать, улететь (испугавшись)'; *karāk rā-cxa wu-turid* 'Перепелка испугалась меня и улетела'; 3) 'артачиться, упрячиться': *dā ās dər tureži* 'Эта лошадь очень норовистая'; *torawəl* 1) 'отпугивать, спугивать'; 2) перен. 'отталкивать (своим видом, действиями)' и т. д.⁶³

Сопоставление афг. *tor(tōr)* с др.-инд. *tarala-* 'дрожащий' (< **ter-*), предложенное под вопросительным знаком Г. Morgenstierne⁶⁴, по-видимому, справедливо отвергается М. Майрхофером.⁶⁵ Может быть, было бы предпочтительнее связать основу *tur-*, *tor-* в иранских языках не с др.-инд. *tarala-* (словом, возможно, дравидического происхождения)⁶⁶, а с др.-инд. *turāti* 'спешит, торопит, гонит', пандж. *turnā, ṭurnā* 'отправиться, на-

⁵⁵ Из записей автора (Гиссарская долина). Подробнее о гиссарских парья см. И. М. О р а н с к и й. Индийский диалект группы парья. . . Материалы и исследования. Вып. 1. Тексты (фольклор). М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).

⁵⁶ Ч. Раҳматуллоев. Намунаҳо аз лексикаи шеваи Ёхсу. — МШТ I, 1970, стр. 180. Там же указание на употребление этого глагола у Джами: *Mūzib čist, ki az mo bituridī* 'Почему ты от нас убегаешь (или: избегаешь нас)?'

⁵⁷ «Лугати шевахои чанубӣ (макети ҳарфи «д»)». Душанбе, 1971, стр. 48.

⁵⁸ А. Л. Х р о м о в. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962, стр. 188.

⁵⁹ *Borhān-e Qāte'*, ed. M. Mo'in, vol. I. Teheran, 1963, стр. 493.

⁶⁰ И. И. З а р у б и н. Шугнанские тексты и словарь. М.—Л., 1960, s. v.

⁶¹ Возможно, что отсюда идет и кирг. *дыргы* 'шарахаться' (о стаде). Указано, как и вах. *tyr*, И. М. Стеблин-Каменским.

⁶² А. Л. Х р о м о в. Ягнобский язык. М., 1972, стр. 83.

⁶³ А с л а н о в, АРС, s. vv.

⁶⁴ *Morgenstierne*, EVP, стр. 82, s. v. *tōr*³.

⁶⁵ *Maurohofer*. Lief. 7, 1956, s. v. *taralāh*.

⁶⁶ См. Т. В у р г о w. Some Dravidian Words in Sanskrit. TPhS 1945 (1946), стр. 106.

чать движение', синд. *turaṇu* 'двигаться', *ṭoraṇu* 'заставить двигаться', ла. *turaṇ* 'начать движение', *ṭoraṇ* 'заставить идти, гнать' (to cause to move along, despatch) и т. д. (к $\sqrt{tvar}$ 'спешить')⁶⁷. Вероятнее всего, основа *tur-*, *tor-* проникла в иранские языки и диалекты Афганистана и Южного Таджикистана через посредство панджаби, лахнда⁶⁸ или какого-либо иного новоиндоарийского языка. Не исключено, впрочем, что интересующее нас гнездо новоиранских слов может продолжать собою и какую-либо древнеиранскую основу, соответствующую др.-инд. $\sqrt{tur}$, $\sqrt{tvar}$ и сохранившуюся в какой-то части древнеиранских диалектов. Хр. Бартоломэ (AiWb., 797) видел отражение этого корня в ав. *ṭwāša-* 'быстрый, скорый' (< **ṭuárta-* с компенсаторным удлинением гласного при $rt > š$). Не сюда ли и осет. *tārən* (ирон.)/*tārun* (диг.), прич. прош. вр. *tard* 'гнать, подгонять', которое В. Ф. Миллер связывал с др.-ир. *tar-* (др.-перс. *vi-tar-* 'переправляться', др.-инд. *tāraṭi*)⁶⁹?

Независимо от того, какое из этих предположений окажется более близким к истине, мне представляется возможным сопоставить приведенные выше слова из индоиранских языков и диалектов со славянским гнездом, представленным русск. *турить*, *вытурить*, укр. *потурити*, *потурліти* 'погнать', сербо-хорв. *tūrīti* 'толкать' и т. д. В этимологических словарях русского языка сопоставление этого гнезда славянских слов с др.-инд. *turāṭi* или отвергается⁷⁰, или игнорируется⁷¹, при этом вопрос об этимологии русск. *турить* оставляется как будто открытым. Не учтены славянские параллели к др.-инд. *tvār-*, *tur-* (и.-е. **tuer-* : *tur-*) и в новейших этимологических словарях индоевропейских языков⁷². Между тем, приводимые в указанных словарях греческие, германские и иные соответствия этому древнеиндий-

⁶⁷ Т у г н е г, N 5878 (там же дальнейшие параллели из индоарийских языков).

⁶⁸ Из лахнда идет, по-видимому, и другая группа афганских слов, обозначающих 'страх, боязнь', 'испуганный, робкий' и т. д. Г. Моргенштерне (M o r g e n s t e i n e, EVP, стр. 82) сопоставлял афг. *tarhedəl* 'пугаться, тревожиться, вздрагивать (о животных)' с ла. *tarahaṇ* 'быть испуганным, обратиться в паническое бегство', афг. *tarah* (*tra*), *tarhara* (*trāha*) 'страх, боязнь', *tarhūr* (*tarur*) 'робкий, застенчивый, растерянный' с ла. *tarahaṇ* 'робкий' (в скобках приведена транскрипция указанных афганских слов по словарю М. Г. Асланова).

⁶⁹ См. В с. М и л л е р. Язык осетин. Пер. с немецкого. М.-Л., 1962, стр. 32, 55, 99. Ср. в этой связи предположение Майрхофера (M a y r h o f e r, Lief. 7, 514) о возможном совпадении в др.-инд. *turāṭi* форм от разных глагольных корней — *tur-*: *tvārate* ($\sqrt{tvār}$ 'спешить') и *tur-*: *tir-*, *tāraṭi* ($\sqrt{tā}$ 'переправляться'). Ср. Turner, s. vv. *turāṭi* и TṚ.

⁷⁰ П р е о б р а ж е н с к и й, s. v.

⁷¹ Ф а с м е р IV, стр. 123—124. Ср. там же, стр. 83 (s. v. *торкать*). См. также Н. М. Ш а н с к и й, В. В. И в а н о в, Т. В. Ш а н с к а я. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 455.

⁷² См. Р о к о г н у, стр. 1100.

скому корню значительно менее надежны⁷³, чем сопоставление его с отмеченными славянскими глаголами. Если сопоставление др.-инд. *tvár-*, *tur-* с указанным гнездом славянских глаголов верно и надежные соответствия по другим индоевропейским языкам пока не найдены, то не исключено, что перед нами специфическая славяно-арийская лексическая изоглосса.

4. Тадж. (диал.) *(h)ušč/wušč kardān* 'поднимать'

В ряде говоров Южного Таджикистана и в памирских языках засвидетельствовано слово, представленное в диалектных записях и словарях в формах *hušč*, *wušč*, *ušč* и встречающееся обычно в составе сложноименного глагола *ušč* (*hušč*, *wušč*) *kardān* 'поднимать': дарв., кар., вандж. *(h)ušč kardān*⁷⁴, рог. *ušč kardān* (*po-t-a ušč kə(n)* 'подними свои ноги')⁷⁵, кул. *hušč kardān* (*sar-ətun- a hušč kənen* 'приподнимите голову'; *bəyo, hušč-ət kənəm* 'давай я подниму тебя на руки')⁷⁶, матч. *hūšč kardān*⁷⁷, ишк. *ušč kənyk* (в записях И. И. Зарубина *wušč kin-*)⁷⁸, мундж. *wūšč kən-*⁷⁹, вах. *wušč cār-* (=тадж. *bolo bardoštan*), ср. еще вах. *wušč* 'верх' (=тадж. *bolo*), *tə wušč* 'наверху' (=тадж. *dar bolo*)⁸⁰. Сюда же, разумеется, *huščī* 'верх, высота', 'холм, пригорок', 'ноша, носимая на спине' и т. д. (=тадж. лит. *bolo, teya, teppa, puštorā* в таджикском диалекте хардури (верховья Кашка-Дарья): *be da huščem* 'иди ко мне на спину' (=тадж. лит. *biyo ba puštorāam*)⁸¹ и вандж. *uščako* 'стоя' (букв. 'поднявшись')⁸². Ср. также в композитах: тадж. диал. (Джиргитальский район) *dulhəčkənčiw* 'столбы, поддерживающие мельничный ящик' («сутунхое, ки дар болои он дӯли осие меиствад ва онро нигоҳ медорад») ⁸³.

Сопоставление форм *hušč*, *wušč*, *ušč* указывает на протетический характер *h-* и *w-* (протеза этих звуков — явление весьма распространенное в говорах южного Таджикистана и в памирских язы-

⁷³ Ср. у М. Майрхофера (M a y r h o f e r, Lief. 8, стр. 539, s. v. *tvárate*): «Die außerarischen Anschlüsse (an gr. *ὀτρύνω* 'treibe an, beschleunige', ahd. *dweran* 'durcheinander rühren, mischen' u. v. a. . .) sind sehr unsicher».

⁷⁴ А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры, стр. 263, 270; О н а ж е. Говоры Каратегина, стр. 85, 89; О н а ж е. Ванджские говоры, стр. 96, 116.

⁷⁵ Ю. И. Богорад. Рогские говоры таджикского языка. ТИЯЗ, VI, 1956, стр. 193.

⁷⁶ Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956, стр. 167.

⁷⁷ А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962, стр. 200.

⁷⁸ Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык, стр. 242.

⁷⁹ А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972, стр. 376.

⁸⁰ С. И. Климчицкий. Ваханские тексты. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», III, 1936, стр. 103 (s. v. *cār- : kərt-*), 114.

⁸¹ М. Эшннёзов. Шеваи хардури. Душанбе, 1967, стр. 106, 217.

⁸² А. З. Розенфельд. Ванджские говоры, стр. 116.

⁸³ «Луғати шеваҳои ҷанубӣ (Макети ҳарфи „д“)». Душанбе, 1971, стр. 56.

ках) и ведет нас к исходному *uč-* — основе, которую можно видеть и в афг. *učát* (диал. *wučát*, *wičát*) 'высокий', *učatawel* 'поднимать' и т. д.⁸⁴ Предложенное И. И. Зарубиным сопоставление ишк. *wuč*, вах. *uč* с мундж. *wušĕk-* 'вставать', ав. *uskat* (следует: *uskāt*, — И. О.) 'сверху' (abl.)⁸⁵, по-видимому, не может быть сегодня принято: ни в ваханском, ни в ишкашимском др.-ир. *šk* не отражается как *č* (см. IFL II, стр. 314, 468), а мундж. *wušĕk-* восходит к другой основе (ibid., стр. 73, 264). Г. Моргенштерне возводил ишк. *wuč*, вах. *wuč* (*wūč*) к др.-ир. (ав.) *usča* 'наверху' (ibid., стр. 418, 469, 548), а афг. *učát*, *wičát* — к др.-ир. **usča-šta*⁸⁶. Однако, как кажется, ни ваханский, ни ишкашимский не дают достаточного количества надежных примеров на отражение др.-ир. *sč*, и, как отмечает сам Моргенштерне, «судьба (др.-)ир. *sč* [в ишкашимском] неясна» (см. IFL II, стр. 314, 469)⁸⁷. В то же время, возводя афг. *učát* к др.-ир. **usča-šta-*, Моргенштерне допускал в качестве альтернативы возможность прямой связи этого слова с новоиндийскими формами типа ла. *issā*⁸⁸.

Намеченный ареал распространения интересующей нас основы в иранских языках (Памирско-Гиндукушский регион и прилегающие к нему районы) и отсутствие надежных соответствий за пределами этого ареала, позволяет, по-видимому, предположить, что не только афг, *učát*, но и другие приведенные выше слова идут из индоарийского. Ср. хинд. *ūc*, *ūca*, ла. *issā* 'высокий', пандж. *ūc*, *ūcc* 'высокий по касте или по рангу', паш. *ūč* и т. д. (к др.-инд. *исса-* 'высокий', *иссá*, *иссáih* 'наверху')⁸⁹.

⁸⁴ Асланов, АРС, s.vv.

⁸⁵ См. И. И. З а р у б и н. К характеристике мунджанского языка. «Иран», т. I. Л., 1927, стр. 177.

⁸⁶ См. M o r g e n s t i e r n e, EVP, стр. 30, s. v. *hask*.

⁸⁷ Только в мунджанском переход др.-ир. *-sč-* > *č* подтверждается, как кажется, достаточным числом примеров (см. IFL II, стр. 71), и мундж. *wūč* (еще неизвестное в 1938 г. Моргенштерне) действительно можно было бы возводить к др.-ир. *usča*.

⁸⁸ См. M o r g e n s t i e r n e, EVP, loc. cit. Тринадцатью годами позже в словаре к дардскому диалекту башкарнк Моргенштерне высказался, как кажется, более решительно в пользу индоарийского происхождения афг. *učát* (см. G. M o r g e n s t i e r n e. Notes on Bashkarik. «Acta Orientalia», XVIII, 1940, стр. 223).

⁸⁹ См. Turner, N 1634 (там же дальнейшие параллели из индоарийских языков). См. также R. L. T u r n e r. A Comparative and Etymological Dictionary of the Nepali Language. London, 1931, s. v. *ūc*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

Литература

Асланов, АРС ЗКВ	М. Г. Асланов. Афганско-русский словарь. М., 1966. «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», Ленинград.
ИАН СССР, СЛЯ	«Известия Академии наук СССР, Серия языка и литературы», Москва.
МШТ I	«Масъалаҳои шевашиносии тоҷик», I. Душанбе, 1970.
НАА	«Народы Азии и Африки», Москва.
ТИЯЭ	«Труды Института языкознания АН СССР», Москва.
AiWb	Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, 2. Unveränderte Auflage. Berlin, 1961.
BSOS	«Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London)».
Handbuch IV, 1	«Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd. IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik. Leiden—Köln, 1958.
IFL	G. Morgenstierne. Indo-Iranien Frontier Languages, vol. I—III. Oslo, 1929—1967.
JA	«Journal asiatique». Paris.
JRAS	«Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London.
Morgenstierne, EVP	G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
Morgenstierne, Report I	G. Morgenstierne. Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
TPhS	«Transactions of the Philological Society», London.
Turner	R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966.

Языки и диалекты

ав. — авестийский	кар. — каратегинский
диг. — дигорский	мар. — маратхи
ишк. — ишкашимский	сар. — сарыкольский
каб. — кабули	чаг. — чагатайский

Корректурное дополнение. Упомянутый в сноске 3 на стр. 161 доклад Г. Моргенстьерне в настоящее время частично опубликован. См. G. Morgenstierne. Early Iranian Influence upon Indo-Aryan. Acta Iranica, Première série, Commémoration Cyrus, Hommage Universel I. (Acta Iranica 1). Leiden-Téhéran-Liège, 1974, стр. 271—279.

---

* См. также общий список сокращений данного тома.